

Гусельцева М.С.

Трансдисциплинарный подход к изучению изменений ценностей,
поведенческих стратегий и социальных норм
в современном обществе

Guseltseva M.S.

A transdisciplinary approach to the study of latent changes in values,
behavioral strategies and standards in modern society

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Современность рассматривается со стороны динамичности, дифференциации и смешанности происходящих в ней процессов. В одном социокультурном пространстве сталкивается множество сообществ и групп – носителей разных ценностей и стилей жизни. В прежние эпохи эти группы практически не соприкасались, будучи незаметными друг для друга, сегодня же оказались и проницаемыми, и видимыми. Трансформации ценностей, поведенческих стратегий и социальных норм в современном обществе – предмет изучения как психологии, так и смежных наук. При этом явными и неявными инициаторами изменений зачастую оказываются малые культуральные движения. Релевантным методом, служащим полноте и динамике охвата исследовательского поля, выступает трансдисциплинарный подход. В рамках статьи трансдисциплинарный подход использован для изучения изменений ценностей и социальных норм на материале таких движений, как новая этика, просвещенческий ренессанс, новый анархизм, Intellectual Dark Web и др. В каждом из рассмотренных случаев наблюдались возрастание субъектности, разнообразие поведенческих стратегий, индивидуализация стилей жизни. Показано, что важную роль в трансформациях современности играют низовая самоорганизация социокультурных движений и коммуникативная компетентность локальных сообществ. Утверждается, что кастомизация как привычка выбирать и создавать свой стиль, этическая и экологическая вовлеченность, осознанность и ценность саморазвития становятся ключевыми эффектами социализации в смешанных социокультурных и сетевых пространствах. Подчеркивается, что в ситуации турбулентности малые культуральные движения демонстрируют амбивалентность: в силу динамизма и разнообразия, готовности к самоорганизации и «низовому» (народному) творчеству они создают устойчивость социальной системы; однако столкновение разных ценностей и стилей жизни в одном коммуникативном пространстве может послужить как изобретению новых способов взаимодействия («цифровой этикет», «непрестижное

потребление», практики осознанности и самоограничения), так и росту социального напряжения.

Ключевые слова: методология, трансдисциплинарный подход, социокультурные движения, новый анархизм, новая этика, самоорганизация, субъектность

Для цитирования: Гусельцева, М.С. Трансдисциплинарный подход к изучению изменений ценностей, поведенческих стратегий и социальных норм в современном обществе // Новые психологические исследования. 2021. № 3. С. 18–47. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_03_02

Введение

Статья продолжает исследование, представленное в первом номере журнала (Гусельцева, 2021b). Современность как транзитивная среда (Марцинковская, 2015) и происходящие с человеком изменения – психические, психологические, социальные, аксиологические, политические и т.п. – обусловили поиск методологической стратегии, чувствительной одновременно к динамическим (текучность, каскадность, мультилинейность, гетерогенность, противодействие процессам) и структурным (дифференциация, неоднородность, многослойность, пористость) аспектам развития. Более того, сочетание культурно-психологического, историко-генетического и трансдисциплинарного подходов позволяет осмыслить происходящие изменения с позиций микро-, мезо- и макроанализа, тем самым создавая перспективы, ориентированные на контекстуальную изменчивость и использование разных методологических стратегий. Последнее служит переструктурированию познавательного пространства таким образом, что малозаметные процессы и явления, бывшие периферийными в предметно-дисциплинарном ракурсе, становятся сфокусированными в проблемно-ориентированных исследованиях.

Целью статьи является рассмотрение с позиций трансдисциплинарного подхода тех движений современности, которые свидетельствуют о текущем изменении ценностей, идеалов личностного развития, поведенческих стратегий и социальных норм. Фокусом анализа здесь выступают малые культуральные и социокультурные движения такие, как новая этика, просвещенческий ренессанс (в разновидностях – интеллектуальный, философский), новый анархизм, а также локальные движения Intellectual Dark Web и сетевая подростковая самоорганизация. Представляется, что в этих движениях *не только проявляются, но и формируются* новые ценности, нормы и социальные эталоны, а наблюдение за локальными и глобальными

тенденциями в культуре позволяет обнаружить эти изменения прежде, чем они оказываются зафиксированы каноническими психологическими и социологическими методами.

Новый анархизм

Наши представления об анархизме, как правило, складываются на основе программ общего образования. Однако М. Разса отмечает многомерность анархизма (Razsa, 2015), а антрополог и активист Д. Грэбер (2014a,b) раскрыл неявные и неочевидные стороны анархистских движений, показывая, что именно антропологический метод создает тот способ видения, который позволяет иначе взглянуть на привычные и знакомые вещи.

В истории культуры *анархизм* (от др.-греч. ἀναρχία – безначалие, отсутствие власти) представлял мировоззрение, поставившее во главу угла принципы субъектности, самоорганизации, свободы воли. Помимо этого, анархизм – учение, доказывающее пагубность централизации власти и принуждения личности. Зачатки анархистских идей представлены в философских школах Древней Греции (софист Антифонт, ок. 450/444 – ок. 365/360 г. до н.э., киник Диоген Синопский, ок. 412 – ок. 323 г. до н.э.) и Древнего Китая (даосская традиция Лао-цзы, VI–V вв. до н.э., Чжуан-цзы, ок. 369 – ок. 286 г. до н.э.) (Ударцев, 1994). В качестве же философских систем и политических учений анархизм утвердился в эпоху Просвещения (П.-Ж. Прудон, В. Годвин, М. Штирнер).

Так, основатель анархистской традиции П.-Ж. Прудон (1809–1865) развил учение о спонтанном порядке, складывающемся из совокупности хозяйственных деятельности независимых агентов, действующих на основе своих интересов и представлений. Он выявил преимущества самоорганизации перед централизованным управлением, полагая, что в системе, где каждый субъект движим свободной волей, порядок устанавливается сам собой. Такое состояние системы получило название – *позитивная анархия*. Однако для достижения последней необходимо развитие в обществе науки и права, преобразующих массовое сознание. Иными словами, анархизм П.-Ж. Прудона подразумевал культивирование научной и правовой рациональностей в практиках самоорганизации. Распространение в обществе ценностей науки и права позволяло минимизировать репрессивный и бюрократический государственный аппарат, ибо самоорганизация образованных и законопослушных граждан, согласно П.-Ж. Прудону, творит одновременно и позитивный социальный порядок, и ин-

дивидуальную свободу. В политической же эволюции монархия и авторитарные режимы постепенно сменяются федерализмом и практиками местного самоуправления (коммунами) (Рябов, 2019).

Другим основоположником анархизма считается В. Годвин (1756–1836), который в «Исследовании политической справедливости и ее влияния на общественную нравственность» (*Enquiry concerning Political Justice and its influence on general virtue and happiness*, 1793) развивал идеи об обществе без правительства (Рябов, 2007).

Третий источник анархистских идей – М. Штирнер (1806–1856) – в книге «Единственный и его собственность» (*«Der Einzige und sein Eigentum»*, 1844) анализировал право сильного, доказывая, что *общество иллюзорно, а индивидуумы реальны*. Его идеи, ставшие основой эгоистического анархизма, созвучны сегодня методологическим стратегиям критической социологии, согласно которой общество есть абстракция, общества в качестве субъекта не существует, а есть лишь разные сообщества.

Классиками анархизма по праву считаются М.А. Бакунин (1814–1876) и П.А. Кропоткин (1842–1921). Первый выступил теоретиком и вдохновителем общеевропейского революционного движения. Вторым как родоначальник анархо-коммунизма развивал идеи о самоорганизации коммун и общин, коллективном владении средствами производства, принципах прямой демократии, совместном принятии решений, поиске консенсуса, важности горизонтальных и вертикальных (растущих снизу вверх) связей, дальнейшем объединении коммун в федерации и/или конфедерации. Его перу также принадлежит работа, доказывающая значимость кооперации и взаимопомощи в процессе эволюции (Кропоткин, 1922)¹.

В наши дни существует множество направлений анархизма. Особенность современного анархизма как философского учения – его открытость разным идеям в диапазоне от левых и правых до феминистских (анархо-феминизм) и экологических (зеленый анархизм). Ценность свободы сближает анархизм с либерализмом, но представления о самоорганизации создают расхождения. Левый анархизм как идейное течение выступает против капитализма, за расцвет свободной индивидуальности и такие формы организации, как синдикаты. Он распадается на движения анархо-коммунизма, анархо-коллективизма и анархо-синдикализма. Правый анархизм представлен анархо-капитализмом, агоризмом, мютюзелизмом и рыночным анар-

¹ Отметим, что ранее П.А. Кропоткина, в 1880 г., русский немец Карл Фридрих Кесслер (1815–1881) опубликовал работу «О законе взаимной помощи» (Баннина, 2010; Кесслер, 1880).

хизмом. Последний ставит во главу угла свободу и частную собственность. Мютюэлистский анархизм (мутюэлизм) поддерживает свободу ассоциаций, добровольный контракт работника и работодателя, федерализм и социальную справедливость. Среди течений анархизма имеются как принципиально ненасильственные – анархо-пацифизм, так и поборники социальных революций – коллективистский анархизм (Блэк, 2020).

Поскольку лейтмотивом анархизма как политической традиции являлась проблема индивидуального и социального, взаимоотношение личности и сообществ, то его представители зачастую склоняются к противоположным полюсам: с одной стороны, к эгоистическому анархизму, анархо-индивидуализму², с другой – к анархо-коллективизму, социальному анархизму. Социальный анархизм ориентирован на сотрудничество, кооперацию и взаимопомощь, но отвергает частную собственность и капиталистические отношения. Он также предстает в разновидностях анархо-коллективизма, анархо-коммунизма, либертарного социализма, анархо-синдикализма, мютюэлизма и социально-экологического движения (Блэк, 2020). Коллективистский анархизм – наиболее революционная и социалистически ориентированная форма анархизма, ведущая исток от учений И. Моста и М. Бакунина (Пирумова, 1990). Техно-анархизм подчеркивает роль умного города и прямой (электронной) демократии, его ключевые понятия – технологии, образование, индивидуализм. Цифровой анархизм, представленный движением Freenet, отстаивает право на свободный доступ к исходному коду, распространение компьютерных программ и Интернет-энциклопедий, а также научных исследований и произведений искусства.

На рубеже XX–XXI вв. появились такие разновидности анархизма, как постклассический, пост-левый, экологический, постстолцовство. Их объединяет преодоление классических традиций (как левой, так и правой идеологии), стремление к синтезу разнообразия анархистских дискурсов. Так, пост-анархизм представляет ревизию классической теории в концептуальных рамках постструктурализма (Newman, 2001). Эти движения согласуются с тенденциями интеграции знания, отраженными в постнеклассике. Сюда же следует отнести ситуационизм и направленный на «деколонизацию повседневной жизни» постколониализм (Кузнецов, 2003). Пост-

² Индивидуалистический (эгонистический) анархизм, или анархо-индивидуализм, исходит из презумпции, что индивидуальная совесть и личный интерес не подлежат ограничению ни коллективами, ни органами государственной власти (Heywood, 2000).

анархизм не отказывается от классического наследия, переосмысливая традиции через контексты современности (Пост-анархизм, 2009). С одной стороны, он критикует неолиберализм, с другой – обогащает собственные теории идеями М. Фуко, Ж. Деррида и Ж. Делеза, а также постфеминистским дискурсом Дж. Батлер (Батлер, 2002). При этом пост-анархисты критично относятся к отказу от государственности, осмысливают неоднородность современного общества, происходящие в нем смешанные процессы, феномен «навязанных желаний», латентную принудительность «субъективизации своей индивидуальности», ставят под вопрос практики социализации современного человека, заставляющие его отказываться от своих потребностей и интересов, не доверять собственным автономии и сознательности (Пост-анархизм, 2009). Важно подчеркнуть, что фокусируются они не столько на борьбе с государством, сколько на изменении социальных практик и межличностных отношений³.

Другая форма современного анархизма – повстанческий анархизм (инсуррекссионизм). Он ориентирован на поддержку неформальных организаций и активное сопротивление государству (Рябов, 2019). Здесь следует упомянуть и анархо-феминизм, продвигающий средствами анархизма прежде всего феминистскую повестку; сосредоточенный на проблемах экологии зеленый анархизм; критикующий поощряемое государством гендерное и сексуальное угнетение квир-анархизм, выводящий в публичный дискурс из подполья проблемы нормативности, телесности, болезни и здоровья, инвалидности (Daring et al., 2012).

Важную роль в анархической традиции играет *принцип низовой инициативы* (ср. с низовой модернизацией: Рогов, 2018), подразумевающий устройство государственности снизу вверх – от местных сообществ, поддерживающих горизонтальные связи, до федерации или конфедерации на общемировом уровне. В учениях анархистов

³ Ср.: «Гораздо важнее для модернизации те многообразные, слабые и сильные процессы самоорганизации и попытки людей изменить свое положение и тип взаимодействия в своем кругу, а также с властью» (Ворожейкина, 2010). Это могут быть «проекты по развитию самоуправления в жилищной сфере, поддержке профсоюзов, экологических движений, движений в защиту памятников культуры, борцов с уплотнительной застройкой и т.д. То есть все то, что заставляет человека отстаивать перед лицом власти собственное достоинство и свою человеческую сущность. <...> Процесс должен вырасти снизу, а не по приказу властей и не по приказу оппозиции. <...> Если мы начнем в отношении к государству и между собой отстаивать иной тип социального поведения, тип сотрудничества, дискуссии, уважения к чужому достоинству, вот тогда ... государство и начнет меняться» (Гам же).

подчеркивается, что горизонтальные связи важнее вертикальных; широко обсуждаются *принципы сотрудничества и взаимопомощи*; *принцип разнообразия*, создающий устойчивость социальных организаций; *принцип социальной справедливости*, обеспечивающий равные возможности развития, свободный доступ к произведениям культуры, к информации, достижениям науки и техники; *антиэлитный принцип* – отказ от привилегий и убеждений, что одни люди важнее других. «Основной анархический принцип – это самоорганизация, то есть предположение, что людям не нужно находиться под угрозой уголовного преследования, чтобы договариваться и уважительно относиться друг к другу. <...>. Другой ... анархический принцип – это добровольное объединение..., применения демократических принципов в обычной жизни» (Грэбер, 2014а). Ключевые позиции анархистов – свободная организация (самоорганизация) и взаимопомощь. Анархисты доказывают, что «каждое открытие или достижение, которое улучшило нашу жизнь, было сделано, основываясь на сотрудничестве и взаимопомощи» (Там же). Несмотря на распространенное мнение, что в современном мире царит конкуренция, большинство людей предпочитает тратить свои ресурсы скорее на друзей и близких, чем на самих себя (Там же).

Критикуя стандартизацию, унификацию и массовое производство, присущие индустриальному обществу, анархисты доказывают, что общественное устройство такого рода не только плодит эгоистов и создает отчуждение, но и разрушает окружающую среду (Рот, 2005). Мировоззрение анархистов создает предпосылки гражданского активизма и участия в экологических движениях. В политической сфере анархисты выступают за самоуправление и конфедерации, против подавления человека государством и другими людьми, борются с привилегиями и разными формами принуждения, агитируют за свободное сотрудничество, подчеркивают значимость добровольности и ответственности, роль личного интереса во взаимоотношениях субъекта и сообществ. «Анархисты ...верят в то, что люди в состоянии вести себя адекватно без какого-либо принуждения» (Грэбер, 2014а), их убеждения основаны на предположениях, что, во-первых, в своей повседневной жизни «люди способны действовать достойным и разумным образом», а во-вторых, они «могут организовать себя и даже сообщество без указания сверху» (Там же). Помимо этого, анархисты убеждены, что «власть развращает человека» (Там же). Анархистские движения подспудно содержат гуманистические ценности, касающиеся безусловного достоинства

личности, уважения к индивидуальному выбору, свободы воли и субъектности.

Концепция Д. Грэбера (2014b) – анархистская антропология – развивает идеи нового анархизма. Последний, с одной стороны, зиждется на характерном для анархистских течений принципе творческой самодетельности, а с другой – посредством антропологического метода обнаруживает в повседневности неочевидные анархистские практики: «то, как люди ведут себя, когда их действия основаны на личном выборе, когда они имеют дело с другими людьми, которые также свободны – и поэтому осознают, что несут ответственность за других» (Грэбер, 2014a). Так, в статье «Ты анархист? Ответ может тебя удивить!» Д. Грэбер обсуждает *феномены скрытого анархизма*: каждый раз, достигая согласия путем консенсуса, «приходя к пониманию или достигая компромисса через внимание к конкретной ситуации или потребностям другого человека», в своих поведенческих практиках субъект выступает как анархист, даже если не осознает этого (Грэбер, 2014a).

Таким образом, *латентный анархизм* проявляется в повседневных практиках уважительного отношения к другому человеку, в преодолении разногласий посредством компромиссов, в готовности выслушать мнение каждого вместо того, чтобы полагаться на того или иного лидера, в стремлении решать проблемы с опорой на разум и справедливость (Грэбер, 2014a). Во многом эти позиции сходны с принципами и практиками стоицизма, возрождение которого наблюдается в наши дни (Гусельцева, 2020). Сходство стоицизма и нового анархизма заключено также в единстве философии и практики, цели и средства⁴. В этой парадигме социальные практики опираются на индивидуальное развитие: иными словами, субъекту, намеревающемуся переделать общество, рекомендовано начать с себя. О практической доступности этих принципов свидетельствует, например, тот факт, что в книге П. Гелдерлооса (2010) приведены технологии последовательного достижения консенсуса. Направленность на сотрудничество и диалог характерны для анархистов в той же мере, как нонконформизм и выстраивание индивидуальных жизненных стратегий. «Принятие решений консенсусом – такое же повседневное и нужное «упражнение в свободе», такая же «революционная гимнастика», как и тактика прямого действия (взрывающая логику представительства,

⁴ «Для анархистов путь к свободе лежит через свободу (а не через диктатуру), путь к равенству – через равенство (а не через иерархию), путь к братству – через братство (а не через конкуренцию). Для анархистов цель ни в коей мере не оправдывает средства» (Рябов, 2010).

законопослушности и власти), поскольку позволяет людям в повседневной жизни и борьбе день за днем преодолевать отчуждение и конкуренцию, распылять власть и лидерство среди многих, учиться культуре диалога и солидарности. Консенсусные принятия решений сохраняют единство в многообразии, координируют без подавления, достигают равенства разных людей без их унификации, способствуют самореализации личности в общем деле, превращают всех (или большинство) участников движения в лидеров без выстраивания постоянных иерархий» (Рябов, 2010, с. 8).

Таким образом, критика репрессивных практик государства, предпочтение консенсуса конфликту, уважение к индивидуальности личности, избавление от авторитаризма и иерархий составляет повестку современного анархизма. Анархисты объединяются в сообщества, участвуют в экологических и антифашистских движениях, борются за правовое и гендерное равенство, выступают против разного рода дискриминаций, издают собственные газеты и журналы⁵. Разнообразие анархистских культурных практик простирается от *сквоттинга* (squatting) – самовольного заселения в пустующие помещения – до *персимфанса* – исполнения симфонической музыки без дирижера (см., например: <https://www.persimfans.com/ru/>).

Новая этика

Это название сегодня служит зонтичным понятием, объединяющим разнообразные движения и тенденции, связанные с текущими трансформациями социальных норм и ценностей (Волохова, 2016; Волохова, Бессмертная, 2017; Наумова, 2019; Федянина, 2019; и др.). Сам конструкт *новая этика* возник в учении представителя аналитической психологии Э. Нойманна (1905–1960). Согласно этому учению, субъект, не осознавший конфликтующую с принятыми в данном обществе ценностями Тень как внутреннюю проблему, проецирует ее на объекты внешнего мира. Интеграцию субъектом собственной теневой стороны и принятие личной ответственности за развитие Э. Нойманн считал признаком нравственной зрелости (Нойманн, 2009). *Старая этика* означала здесь ориентацию на идеалы сообщества, а также однозначность деления на «добро»

⁵ Так, продолжает свою деятельность основанное П.А. Кропоткиным издательство «Freedom», в сети Интернет представлены сайты и библиотеки анархистской литературы, в России функционирует издательский центр «Автономное действие» и т.п. Среди современных теоретиков анархизма отметим труды Н. Хомского (Чомский) (Хомский, 2015), концепцию экоанархизма социолога М. Букчина (Bookchin, 1986, 2006), философа Б. Блэка (Black, 1986) и др.

и «зло», на «своих» и «чужих». *Новая этика* подчеркивала стремление субъекта к автономии и целостности. Сравнивая два соответствующих стиля жизни, Э. Нойманн использовал образы, с одной стороны, абсолютизма (централизация и репрессивные механизмы вытеснения и подавления), с другой – парламентской демократии (умение договариваться, в данном случае – с собственным бессознательным) (Там же).

Особенности *новой этики* нашего времени обусловлены возрастающей ролью субъектности, гражданским активизмом, запросом на участие, этической и экологической повесткой, чувствительностью к дискриминации. Эта новая этика фокусируется на тех аспектах социального творчества, где роли между участниками распределены: «...кто-то может оказаться тираном, а кто-то жертвой» (Федянина, 2019, с. 10). Всякая дискриминация с позиции новой этики предосудительна, и это сближает ее с повесткой социальной справедливости и антиэлитными трендами в анархистских движениях. Новая этика пересматривает границы между публичным и частным, локальным и глобальным. В сфере искусства таким примером служит стирание дистанции между сценой и зрительным залом. «Публика, превратившаяся в участника, острее воспринимает несправедливость, жестокость, грубость, обращенную на других участников. И у нее самой отобрали защищенную позицию в уютном кресле, в темном зале, где ее как бы не видно» (Там же). Менее заметные, но схожие процессы происходят в сферах политики и экономики. Так, современные люди сделали «более чувствительны к условиям производства того, что они потребляют», «чистая совесть потребителя» является одним из элементов маркетинга, повышающих цену изделия (Там же).

Ревизионизм как изменение фокусов взгляда затрагивает не только искусство, но и историческое прошлое. «С позиций новой этики прошлое становится непредсказуемым»: являвшееся допустимым в момент зарождения в дальнейшем вдруг осознается и переживается как травма (Там же). Так, критически настроенный взгляд приверженца новой этики обнаруживает сегодня гомофобию в сериале «Друзья», расизм – в «Унесенных ветром», сексизм – в «Этой прекрасной жизни», мизогинию – в «Дневнике Бриджет Джонс» и объективацию женщин – в «Над пропастью во ржи» (Волохова, Бесмертная, 2017). «Новый век в западной культуре начался с последовательного пересмотра достижений предыдущего. Результаты ревизии оказались неутешительными: антидискриминационной проверки не выдержало большинство культовых произведений» (Там же, с. 12).

Подобного рода лабильность границ меняет повседневное пространство, заново структурируя в нем сферы видимого и невидимого, глобального и локального, частного и публичного. При этом ценности новой этики распространяются преимущественно в сообществах молодежи, представителей академической среды и среднего класса, жителей мегаполисов. Иные же сообщества эти ценности могут не просто не разделять, но и не замечать. Между тем дифференциация сообществ, связанная с такими особенностями современности, как неоднородность и смешанность, множественность слоев и нормативное разнообразие, создает проблемы коммуникации и риски потенциальных конфликтов (Гусельцева, 2021а).

Нормативное разнообразие затрагивает и повседневную жизнь, и нормы профессиональной коммуникации. Так, в одних сообществах сферы личного и профессионального перемешаны, деловые контакты, возникая в социальных сетях, продолжаются в корпоративной почте и т.д. Другие сообщества, напротив, защищают приватности повседневной жизни. Нормы сами по себе утрачивают универсальность, производство нормативности смещается на уровень малых сообществ, где, с одной стороны, устанавливаются новые требования, а с другой – получают поддержку способствующие личной и профессиональной самореализации⁶ индивидуальные жизненные стратегии. Таким образом, принятие разнообразия как нормы, уважение к особенностям и разным стилям жизни, осознание индивидуализации как достоинства, а не отклонения от того или иного социального стандарта, принадлежит нормам новой этики. В самоорганизующихся сетевых профессиональных сообществах – своего рода новых гильдиях XXI века – формируется уважение к выбору моделей общения, комфортных для того или иного субъекта. «То, что отлично подойдет одному человеку, другому не подойдет совсем, с одним человеком можно шутить какие-то шутки, а с другим – нет», замечает научный сотрудник программы «Гендерные исследования»

⁶ О. Лукинова прослеживает эти тенденции, обращаясь к цифровому этикету: «Когда все только начинали общаться в Zoom, говорили, что камере нужно обязательно включать – это этично и вежливо. Спустя три месяца мнение изменилось... Включенная камера – вторжение в личное пространство собеседника, а его интересы нужно уважать. <...> Когда камера включена, человек в состоянии повышенного стресса: во-первых, он понимает, что на него пристально смотрят, во-вторых, сам себя видит... Не стоит насилловать себя: если не хочется включать камеру, не надо. В данном вопросе правила цифрового этикета стали не такими жесткими, какими были в самом начале пандемии» (источник: <https://moskvichmag.ru/lyudi/neravenstvo-kommunikatsii-zastavlyayet-lyudej-besitsya-olgalukinova-o-novom-tsifrovom-etikete/>).

Европейского университета в Санкт-Петербурге А. Новкунская (цит. по: Наумова, 2019).

Отметим наблюдающийся в семейных отношениях коммуникативный сдвиг как тенденцию гуманизации. Дети-подростки доверительно общаются с родителями, обсуждая прежде табуированные темы. Принцип *«детей не надо воспитывать – с ними надо дружить»*, ранее присущий отдельным родителям, сегодня воспринимается как идеал нормативности в ряде педагогически ориентированных сообществ (Пименова, 2000; Зицер, Менделеева, 2017; Петрановская, 2017; и др.). Отношения между супругами также сделались более психологичными, молодые люди требовательны к качеству коммуникации, ожидают от партнера понимающего поведения, эмоциональной поддержки, а не просто общего ведения хозяйства и регулярного секса. *«Партнерские отношения теперь регулируются не стереотипами – условно, что женщина должна в 25 выйти замуж и родить первого ребенка и что мужчина должен обеспечивать семью, – а как раз переговорами, договоренностями и обсуждениями»* (цит. по: Наумова, 2019).

В связи с тем, что вышеупомянутые сообщества (молодые люди, средний класс, представители академической или бизнес среды) более мобильны, имеют возможности путешествовать, у них пропадает восприятие четкости географических границ, но при этом нарастает чувствительность к нарушению границ персональных и приватности пространства.

Дополнительным фактором трансформации социальных норм и повседневного этикета выступают новые технологии. Наиболее наглядно трансформации нормативности и субъектности прослеживаются в изучении *цифрового этикета*. Исследователи отмечают, что, начиная с 2019 г., телефонный звонок без предварительной договоренности считается бесперомонным вторжением (Лукинова, 2020), «грубым нарушением границ личного пространства» (Наумова, 2019). Исключение все еще составляют близкие друзья и пожилые родственники, однако и им молодые люди стремятся привить новые формы общения. Важно также отметить текучесть и изменчивость правил поведения в современном обществе, где в режимах онлайн и офлайн происходят постоянные изменения социальных норм, самоорганизация коммуникативных практик. В этой связи А. Новкунская подчеркивает, что *«универсальное правило современного гендерного этикета – это критичное и рефлексивное отношение к готовым правилам»* (цит. по: Наумова, 2019).

Подспудно новая этика определяет и трансформации сферы занятости: приоритеты для новых поколений здорового образа жизни и душевного баланса (эмоционального здоровья) перед работой и карьерой, требовательность молодежи к условиям труда. «Компании начинают понимать, что штатная единица и человек как личность – не два отдельных понятия», замечает А. Соскова (цит. по: Наумова, 2019)⁷.

Итак, трансформации ценностей и этических норм поначалу отслеживаются в малых сообществах, однако, даже распространившись в дальнейшем на социум в целом, они не становятся универсальными стратегиями, но создают возможность выбрать из общего багажа образов наиболее подходящий сообществу или индивидууму. Таким образом, подразумеваемой цивилизационной нормой поликультурного общества здесь становятся пресловутые толерантность и политкорректность.

При этом новые возможности и негласные правила поведения создают в современности и новые проблемы. С одной стороны, в постмодерных обществах наблюдается *принуждение к мультикультурализму*, связанное с иными ценностями и стилями жизни, вносимыми в социальное пространство мигрантами⁸. С другой стороны, внутренними факторами появления культурального разнообразия выступают горизонтальные коммуникации и индивидуализация стилей жизни. В этом контексте определенные самоограничения становятся цивилизационной нормой: их эволюционный смысл заключен в том, чтобы избегать конфликтов, дискомфорта для себя и окружающих. Сформулированное на рубеже XX–XXI вв. положение *культура имеет значение* отразило в том числе повышенную чувствительность современных людей к столкновению ценностей и стилей жизни. И привлекающая публичное внимание причуда всячески оскорбляться, и агрессивный напор малых архаичных сообществ свидетельствуют

⁷ «Молодые сотрудники – люди того поколения, которое ценит свое свободное время и возможность разносторонне развиваться, знает, что такое эмоциональная гигиена и здоровый образ жизни. Если еще несколько лет назад ЗОЖ – это было только про спорт и питание, сейчас это понятие включает и эмоциональное здоровье: все больше людей понимает, насколько это важно. И работодатели поддерживают стремление к work-life balance, балансу работы и личной жизни: например, в некоторых компаниях договариваются о том, что в выходные и после окончания рабочего дня не пишут письма, а если пишут, то не ждут на них ответа» (Гам же).

⁸ Отдельной темой, которую нет возможности развить в данной статье, является императив быть нетерпимым к нетерпимости, проявлять нетолерантность к нетолерантным (см. об этом: Гусельцева, 2021а).

о текущей трансформации норм, выступая стихийным поиском или установлением иной модели общественного согласия.

С этими процессами связаны феномены уважения к чужим границам в цифровом пространстве (Лукинова, 2020), повышенной осторожности поведения и осознанности высказываний в социальных сетях, самоограничения и самоцензуры⁹. Особую чувствительность в таких вопросах проявляют нетрадиционные меньшинства и субъекты, сделавшие выбор жить не так, как большинство (интроверты, веганы и т.п.). Они острее и тоньше осознают инобытие в социуме, привыкшему к иным правилам и образам жизни. Именно эти группы владеют своего рода экзистенциальным билингвизмом: как минимум, двумя картинками мира – своей и чужой; тогда как менее рефлексивное и следующее сложившимся автоматизмам поведения большинство воспринимает в качестве нормативной модели исключительно собственную.

Ярким феноменом новой этики явилась т.н. *культура отмены*.

Cancel Culture (канцелинг) представляет быстро распространяющуюся (вирусную) практику отказа в поддержке – *отмене* публичных фигур и компаний после того, как они сделали или сказали нечто, воспринятое как нежелательное, неприемлемое, оскорбительное. Чаще всего культура отмены проявляется в практиках шейминга в социальных сетях или группового осуждения за предосудительное в данном сообществе поведение¹⁰. «По данным Google Trends, пик запросов о Cancel Culture пришелся на вторую половину 2019 – первую половину 2020 года, однако само явление существует в массовой культуре уже давно» (Мажар, 2020)¹¹.

Наиболее типичные примеры неприемлемого поведения в западном обществе – это оброненная в интервью некорректная фраза, расистская шутка из старого твита или неожиданно всплывшие

⁹ Дж. Твенге в исследовании приводит примеры запроса молодежи на эмоциональную безопасность и требование безопасных пространств в университетах (Твенге, 2019, с. 195–211).

¹⁰ «Cancel culture refers to the popular practice of withdrawing support for (canceling) public figures and companies after they have done or said something considered objectionable or offensive. Cancel culture is generally discussed as being performed on social media in the form of group shaming» (Pop Culture Dictionary, <https://www.dictionary.com/e/pop-culture/cancel-culture/>)

¹¹ «В массовый оборот канцелинг вошел только в 2014 году благодаря реалити-шоу «Любовь и хип-хоп: Нью-Йорк». В одной из серий участница шоу во время ссоры с парнем сказала ему: «Ты отменен». Фраза стала вирусной – ее подхватили пользователи «Твиттера», адресуя своим обидчикам и просто людям, которых они осуждали». «Катализатором «культуры отмены» стала эпоха #MeToo, наступившая в 2017 году» (Мажар, 2020).

«сексуальные домогательства». Таким образом, совершенное много лет назад может возыметь в наши дни социальные последствия в диапазоне от бойкота или блокировки аккаунта в соцсетях до прекращения карьеры и привлечения к уголовной ответственности. Парадоксальным образом, несмотря на новый пуризм, именно культура отмены создала возможность для откровенных разговоров «о неприемлемых вещах» и формирования «новых негласных правил» (Там же). Проблемы расизма, сексизма, мизогинии, домашнего насилия сделали предметом дискуссий, в публичную сферу попало то, что совсем недавно «замалчивали, избегали или вовсе считали нормой» (Там же). Именно здесь наблюдается текущая трансформация социальных норм, роль катализатора в которой сыграли социальные сети, с одной стороны, сократившие дистанцию между пользователями и прежде недоступными элитами («влиятельными людьми»), с другой – создавшие транспарентное пространство, в котором сложно «замалчивать громкие скандалы» (Там же).

Между тем грань между привлечением к ответственности и хайпом («спекулировании на скандалах») довольно тонка. Зачастую вместо решения проблем несправедливости и дискриминации люди подобным образом стремятся исключить из пространства дискуссии того, с кем они не согласны. В таких случаях культура отмены начинает угрожать важному цивилизационному завоеванию – свободе слова. Критики культуры отмены подчеркивают необходимость открытого диалога, рационального анализа ситуации, права людей учиться на собственных ошибках. В последнее время культура отмены превратилась в мем, а понятие Cancel Culture стало размываться (Там же).

Особенностью современности выступает тот факт, что те процессы, которые прежде разворачивались на исторической дистанции, в наши дни встретились в одном социокультурном пространстве. Помимо этого, перемешанными оказались тренды и антитренды, вызывая пресловутые ошибки аналитика, наблюдающего за процессами из собственного информационного пузыря, не замечающего противоположных тенденций. Так, с одной стороны, сегодня мы наблюдаем апофеоз оскорбленных чувств, но одновременно с этим появляются дисперсные, малые культуральные движения, переосмысливающие пределы политкорректности.

Неопределенность и быстрота меняющихся норм создают свои коммуникативные последствия: одни сообщества не замечают, что правила изменились; другим сложно перестроиться и поменять привычки; третьи все еще ожидают универсальных правил, которых

в современности уже нет, а в ближайшем будущем, скорее всего, не появится. Таким образом, глобальное общество по разным пунктирным и латентным линиям разламывается на малые сообщества. При этом столкновение разных ценностей и стилей жизни в общем коммуникативном пространстве служит как поиску и производству новых способов взаимодействия («цифровой этикет», «непрестижное потребление»), практики осознанности и самоограничения, так и росту социального напряжения.

Просветительский ренессанс, локальные сетевые движения

Запрос на просвещение, рост субъектности и самоорганизация – эти тенденции становятся особенно заметны, когда траектории отдельных кейсов складываются в общую картину, и то, что вчера казалось невероятным, сегодня оказывается очевидным¹². «Медленные изменения, не зависящие от власти, а происходящие внутри общества, очень важны», отмечает историк и краевед Л. Лурье (Лурье, 2019).

Анализу культуральных трендов в пространстве сетевых коммуникаций посвящено исследование «Конвергентная культура» (Дженкинс, 2019). Г. Дженкинс рассматривает фанатские культуры «в качестве своеобразного ренессанса старой народной культуры», случившегося в ответ трансформации современности (Там же, с. 56). Он изучает культуральные изменения, обращаясь к самоорганизации молодежных сообществ, объединяющих т.н. фанатов¹³ – читателей «Властелина колец» и «Гарри Поттера», зрителей «Матрицы» и «Звездных войн» и т.п. Предмет его внимания – дети, примеряющие

¹² «Чем дальше мы отходим от советской власти, тем нравственно здоровее ... становимся с каждым следующим поколенческим переходом. Советская нравственная модель отличалась своеобразием, это хорошо показали люди, воспитанные советской школой на добрых мультяшках и фильмах без насилия. Оставшись без жесточайшего государственного контроля, они мгновенно проявили себя во всей красе: только к началу 2000-х у нас стал наблюдаться некоторый прогресс, когда на убыль пошел всевозможные проявления социального нездоровья, от убийств до самоубийств, потребления крепкого алкоголя и абортов. По всем этим параметрам – убийства и вообще все виды насильственных преступлений, суициды, потребление алкоголя, ДТП со смертельным исходом, аборты – динамика у нас положительная. Есть два печальных исключения: потребление наркотиков и заболеваемость ВИЧ. И то, и другое – результат государственной политики. Практики, ранее считавшиеся обязательными спутниками и маркерами взросления, перестают таковыми быть. Курение, потребление алкоголя, ранний секс больше не являются обязательными признаками взрослости и мужественности, молодые люди легко от них отказываются...» (Шульман, 2019).

¹³ Они представлены малыми культуральными движениями: «Дети, получающие удовольствие от чтения книг, до сих пор остаются небольшой группой в рамках школьной популяции» (Там же, с. 245).

разные модели воображаемых идентичностей, участвующие в коллективных проектах поиска и сотворения знания, сравнивающие системы художественных миров, обсуждающие этические проблемы, выявляющие взаимосвязи между контентом, занимающиеся «низовым» (народным) культуральным творчеством. «Фанатская культура обнаруживает, что утопическое измерение в популярной культуре – это место для создания альтернативной культуры» (Гам же, с. 21).

Феномен, который Г. Дженкинс назвал *конвергентной культурой*, по сути дела, является продуктом самоорганизации. Наиболее ярким примером локального просвещенческого движения служит проект Х. Лоувер, создавшей сетевую подростковую газету *The Daily Prophet*. «Участники проекта хотели лучше разобраться в мире Гарри Поттера через освоение пространства Хогвартса» (Гам же, с. 247)¹⁴. Побочным действием реализации проекта стали практики самопознания, развивающее общение, ролевая игра, производство нового контента и т.п. «Особенно впечатляет в этом проекте то, что он реализуется вне школы, вне малейшего контроля со стороны взрослых. Здесь сами дети обучают других детей тому, что делает их полноправными участниками конвергентной культуры. Все чаще профессиональные педагоги сталкиваются с результатами обучения в этих неформальных и досуговых пространствах. В результате им приходится признать существенные ограничения, накладываемые на детей традиционными образовательными нормами, способными оценить только то, что может быть оценено с помощью стандартизированных тестов» (Гам же, с. 247).

Сетевая самоорганизация создает коммуникативное пространство (*пространство свободного движения*, если воспользоваться конструктом К. Левина), в котором рождаются новые практики и нормы, смыслы и ценности, а также происходит снятие ограничений, заданных рамками официальной культуры.

Другой проект, возникший в сетевой самоорганизации сообществ, – это сервис бета-чтение как инструмент улучшения грамотности¹⁵. Специалист в области современного образования

¹⁴ «Гарри Поттер – крайне удачный пример, наглядно демонстрирующий ограничения современной литературы, так как в самой книге открыто обсуждаются проблемы образования (нередко в ней встает вопрос о защите прав детей перед лицом институциональных ограничений), а кроме того, потому, что Поттер является крайне увлекательным чтением, стимулирующим молодых людей и девушек развивать собственные литературные навыки» (Гам же, с. 239).

¹⁵ Возникший в результате самоорганизации просвещенческий ресурс – «Университет Авторов» – можно сравнить с возникшим в наши дни российским проектом «Свободный университет» (см.: <https://freemoscow.university>).

Р. Блэк отмечает, что в отличие от школьных учителей представители сообществ более терпимы к языковым ошибкам, «в рамках фанатского сообщества читатель и писатель существуют в одной ценностной системе» (Дженкинс, 2019, с. 253), это партнеры по самообразованию, которые тактично указывают друг другу на ошибки, делятся образцами стиля, предлагают разнообразие форм, увлекают начинающих авторов перспективами развития. «В ходе обсуждения фанатской литературы юные писатели обогащают свой лексикон, что позволяет им более профессионально высказываться о структуре письма и стратегиях обучения, которые можно использовать для улучшения своих текстов. Обсуждая эти книги, они сравнивают между собой разную литературу, обнаруживают влияния со стороны философских и теологических традиций. Они дискутируют по поводу гендерных стереотипов, ... читают статьи, содержащие критический анализ, ... оперируют аналитическим инструментарием, заимствованным из институтской программы и не доступным большинству детей их возраста» (Там же, с. 256). Более того, в самоорганизации этих сообществ важны не только инструментальные навыки (здесь – писательский опыт), но и социальные взаимосвязи, обогащение коммуникативных компетенций.

Традиционная школа для этих детей не выступает привлекательным институтом образования, они социализируются и обретают профессиональный опыт в новом коммуникативном пространстве, где знания становятся коллективным достоянием и над ними не прекращается критическая работа. Публикуя сочинение в сети, субъект получает множество и разнообразие откликов, сопоставляет разные оптики, обнаруживает неочевидные аспекты, тогда как типичный школьный учитель в качестве обратной связи предоставляет единичный и, скорее всего, односторонний отклик. «Даже в самых прогрессивных школах имеются существенные ограничения на спектр доступных тем, что сильно контрастирует с той свободой, которую получают дети, занимаясь развитием писательских навыков самостоятельно» (Дженкинс, 2019, с. 258). «Они с нетерпением ждут звонка с урока, чтобы вернуться к своим рассказам» (Там же, с. 257).

Важным ресурсом для изучения появляющихся культуральных изменений становятся маркетинговые исследования, фиксирующие тенденции раньше, чем они находят отражение в научных работах. Так, в одном из интервью главный редактор «Эха Москвы» А.А. Венедиктов признается, что внимателен к смене трендов и запросов аудитории. «За 30 лет радио несколько раз меняло концепцию. Одно время мы

превратились в новостное радио, потому что сошла информационная лавина, новости были каждые 15 минут – «барабанная дробь» называлось. Потом мы поняли, что соревноваться с интернетом в новостях невозможно. И перешли к радио мнений – opinion. Третья составляющая появилась где-то в 2005 г. уже, когда стало понятно, что необходимо усиливать образовательный компонент» (Мамонтов, 2020).

В свою очередь, А. Лурье подметил в российском обществе не только возросший интерес к саморазвитию, но и стихийное движение просвещения «на фоне упадка официального образования и роста влияния интернета» (Лурье, 2019). «Мы наблюдаем колоссальный рост числа лекций, экскурсий, мастер-классов, центров внеклассного обучения – это все формы самообразования. Вообще, самодеятельность, в самом широком смысле слова, от благотворительности до частных детских садов и домов культуры – доминирующий тренд. Идея того, что я узнал что-то не от университетского профессора, а от некоего умника, который учит по интернету или выпустил книжку, становится все более и более влиятельной» (Там же). Более того, в контексте изучения культурного потребления отмечается рост интереса «не только к лекциям, но к различным медленным занятиям – к выставкам, к симфонической музыке, ... к музыкальному театру в Петербурге и драматическому театру в Москве», а в контексте изучения коммуникаций – рост и «влияние сетевых сообществ, включая совсем локальные: сетевая страница того или иного дома или родительского собрания в классе» (Там же).

А. Лурье также зафиксировал процесс трансформации гражданского общества, который он назвал рождением «внутреннего государства»¹⁶. В качестве «иллюстрации» навыков самоорганизации, вышедшей за пределы интернета, он отмечает неожиданные акции солидарности болельщиков, где зенитовская «Ландскрона» поддержала спартаковскую «Фратрию» (Лурье, 2019).

И, наконец, заключительным аккордом в теме самоорганизации российского общества служит ироничный комментарий одного из Telegram-каналов: «Государство успешно внедрило в народе формулу “помоги себе сам”. Воплощением этого стали самолечение, само-

¹⁶ «Сетевые сообщества меняют доминирующий до сих пор в России способ поведения: если что-то кому-то не нравится, нужно обращаться в райком партии или ЖЭК, или, что надежнее, к дяде прокурору и однокласснику менту. И вот этот способ сменяется идеей: нужно написать пост. И посты реально помогают. Так образуется внутреннее государство, которое позже реализует себя как внешнее» (Лурье, 2019).

образование, самоизоляция, самоадаптация и самозанятость. Когда критическая масса самодистанцировавшегося народа перевесит, такое государство населению уже не будет нужно» (источник: https://t.me/kremlin_mother_expert/17260).

Другие наблюдатели отмечают «интеллектуальный ренессанс социальных наук», обусловленный доступностью данных, свободой коммуникаций, упрощенным доступом к ученым смежных отраслей знания и материалам их исследований (Шульман, 2020).

Таким образом, незаметные изменения происходят в тех коммуникативных пространствах современности, где люди самоорганизуются и занимаются саморазвитием, слушая лекции, участвуя в батлах и дебатах, подписываясь на подкасты с научно-популярной информацией. Видеохолдинг YouTube открыл множеству людей возможности не только качественно проводить досуг, в том числе, не прерывая повседневных занятий, но и повышать культурный уровень. В этой питательной информационной, развлекательной и образовательной среде доступны персонализированный интерфейс, индивидуализация освоения знаний.

Если телевидение как феномен массовой культуры XX в. служило средством развлечений и пассивного информационного потребления, то YouTube сотворил информационно-коммуникативное пространство, позволяющее вести продолжительные дискуссии, развивая сложные темы и системы аргументацией. На глубинном уровне здесь кипит интеллектуальная жизнь, возникают альтернативные образовательные движения, ежедневно выкладывается множество лекций, просвещенческих проектов, эксперты освещают книжные новинки и культурные события. Например, уже упомянутая О. Лукинова рассказывает о книгах в области цифровых коммуникаций, О. Мороз ведет «блог злобного культуролога», а И. Колмановский – научный подкаст «Голый землекоп», Е. Шульман выступает с публичными лекциями о социальных трансформациях...

Если публичный интернет создает доступные развивающие ресурсы, которыми свободно пользуется множество людей, то глубинный интернет предназначен для продвинутых пользователей. «В dark web можно попасть только с помощью специальных программ, в ней располагается большинство нелегальной информации» (Жданов, 2018).

Основателем движения Intellectual Dark Web выступил математик Э. Вайнштейн, придумавший это название во время дебатов с С. Харрисом. Игра слов подразумевает здесь два

значения слова «dark»: сообщество, находящееся в подполье (1), и развивающее непривлекательные для публичных сфер культуры идеи (2). «Intellectual Dark Web – не официальная организация, у движения нет штаб-квартиры, банковского счета и юридической ответственности. Ядро движения составляют ключевые персонажи, постоянно взаимодействующие друг с другом в публичной сфере» (Жданов, 2018). Это движение выражает своего рода консервативный тренд, возникший как реакция на доминирование в официальном пространстве культуры неолиберального дискурса. Участники движения не согласны, что «интеллектуалам больше нельзя открыто высказывать свои сомнения и критику, факты уступают мнениям и идеологии, а правда в такой атмосфере становится вопросом политики, а не рациональности» (Там же). Они возражают против парадигмы новой этики («интерсекциональной дуальности мышления»), делящей весь мир на жертв и угнетателей, выступают за безусловную свободу слова и личную ответственность суждений, право идти против мейнстрима. (Парадоксальным образом и в неолиберальной Америке, и в авторитарной России сегодня университеты не продлевают контракты профессоров по причине их нелояльности).

Одна из провозглашенных целей IDW – установить баланс между консерватизмом и либеральностью, найти срединный путь, по меткому замечанию Дж. Питерсона, между разрушающей абсолютизацией порядка и не менее разрушительной абсолютизацией хаоса. IDW пересматривают традиционное деление на консерваторов и либералов, на правых и левых, заменив его более актуальным противопоставлением личной свободы и государственной власти. Представители движения формулируют эту проблему в категориях субъектности: «вы либо за право определять свою собственную судьбу, либо хотите передать это право кому-нибудь другому» (Там же). В психологическом ракурсе речь идет об осознанности и внутреннем локусе контроля. Это сближает IDW с рядом ранее рассмотренных движений (Гусельцева, 2021b).

Последователи Intellectual Dark Web убеждены, формат официальных публичных площадок, радио и телевидения не дает возможности обсуждать сложные проблемы, они предстают здесь в усеченном виде, а общественно значимые вопросы становятся карикатурными. «Движение подпольных интеллектуалов доказывает, что у современного зрителя, в том числе у молодежи, есть запрос на длинные, обстоятельные обсуждения интеллектуальных проблем. Интервью, дискуссии и лекции членов IDW длятся от 1 до 4 часов

и при этом собирают миллионы просмотров на ютубе. Это парадоксальный факт во времена, когда все вокруг трубят о пониженной способности к длительной концентрации внимания у пользователей интернета и социальных сетей» (Жданов, 2018).

Дж. Питерсон полагает, что развитие интернет-коммуникаций и общение в новом формате разных, прежде незаметных друг для друга людей продемонстрировало, что в отличие от участников телешоу, эти люди умнее и содержательней, чем представляли их себе эксперты (Peterson, Rogan, 2016). Важно подчеркнуть, что приятно удивившие интеллектуала Дж. Питерсона своей образованностью и мудростью люди появились из теневой (dark) сферы культуры. Они обладали латентной субъектностью, независимостью мнений и мужеством пользоваться собственным разумом, однако благодаря самоорганизации и коммуникативным возможностям интернет-пространства обрели публичность и стали видны другим людям.

Публичная сфера, как правило, широко представлена активными меньшинствами в демократиях и лояльными стратами населения – в авторитарных режимах: однако несмотря на тот факт, что прежние структуры и организации задают для социальной активности людей привычные форматы, перемещаясь в иные коммуникативные пространства, субъекты могут обнаруживать новые способности, в том числе, сильные стороны своей личности и мышления.

Заключение

Если *историко-генетический подход* прослеживает процессы в динамической и эволюционной перспективах, а *культурно-аналитический подход* расширяет предметное поле психологических исследований, проникая в сферы социогуманитарных наук, то *трансдисциплинарный подход* создает концептуальную рамку, в которой исследовательские методы способны перестраиваться непосредственно в ходе исследования. *Изменяющемуся человеку в изменяющемся мире* соответствует сегодня не только *текущая методология*, но и сам исследователь, сочетающий разные ракурсы и *меняющийся фокусировки взгляда* на изучаемую реальность. Так, в оптике социогуманитарных наук новые культуральные движение предстают потоками народного творчества, «низовой модернизации» и гражданского активизма, в то время как для психологии наблюдение за ними раскрывает незаметные изменения ценностей, возрастание субъектности, проявляющееся во внутреннем локусе контроля, осознанности, чувстве собственного достоинства, установках на саморазвитие. Кастомизация как привычка выбирать

и создавать свой стиль, этическая и экологическая вовлеченность и латентный космополитизм как предпосылка планетарной идентичности выступают побочными эффектами социализации в смешанном социокультурном и сетевом коммуникативном пространстве.

С ростом субъектности и мужества пользоваться собственным разумом (которое И. Кант связывал со зрелостью человечества) освоение достижений цивилизации во многом становится задачей личного усилия, что, в свою очередь, создает вызовы для изменения моделей социализации и образования. При этом к факторам риска конкретно российского социума следует отнести тот факт, что запросы на достоинство и уважение, гражданское участие и партнерские отношения с государством носят здесь диффузный характер, встречаясь в отдельных сообществах. Будучи не сформулированы в публичных дискуссиях и, как следствие, лишены коммуникативных инструментов, они не получают реализации, тем самым накапливая социальное напряжение, затаенное и вытесненное в теневые сферы культуры.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках госзадания, ААА-А-А19-119012990181-0.

Литература

Банина, Н.Н. Карл Фёдорович Кесслер (1815–1881) как учёный и общественный деятель // Русский орнитологический журнал. 2010. Т. 19. Вып. 616. С. 2155–2173.

Батлер, Дж. Психика власти: теории субъекции. СПб.: Алетейя, 2002.

Блэк, Б. (Сост.). Только анархизм: Антология анархистских текстов после 1945 года. М.: Гилея, 2020.

Волохова, У. Художники обидеть могут каждого. Краткий путеводитель по оскорбленным чувствам и их последствиям // Коммерсантъ Weekend. 2016. № 42. С. 14. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3157331> (дата обращения: 23.10.2020).

Волохова, У., Бессмертная, М. «Теперь я все время думаю: а не сексистский ли это фильм?» Как новый ревизионизм отменил культурные завоевания XX века // Коммерсантъ Weekend. 2017. № 3. С. 12. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3535343> (дата обращения: 23.10.2020).

Ворожейкина, Т. Как достичь реальной демократии? // ForPost. 12 июля 2010. URL: <https://sevastopol.su/news/kak-dostich-realnoy-demokratii> (дата обращения: 06.11.2020).

Гелдерлоос, П. [Gelderloos P.] Консенсус: принятие решений в свободном обществе. СПб., 2010. URL: <https://we.riseup.net/assets/64520/consensus.pdf> (дата обращения: 09.09.2020).

Грэбер, Д. [Graeber D.] Ты анархист? Ответ может тебя удивить! // Автономное действие. 30 января 2014а. URL: <https://autonom.org/news/david-graeber-ty-anarhist-otvet-mozhet-tebya-udivit> (дата обращения: 08.09.2020).

Грэбер, Д. [Graeber D.] Фрагменты анархистской антропологии [Fragments of an Anarchist Anthropology]. М.: Радикальная теория и практика, 2014б.

Гусельцева, М.С. Практики самодисциплины в транзитивном обществе: стоический ренессанс и скандинавизация потребления // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2020. Т. 17. № 3. С. 478–499. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-478-499

Гусельцева, М.С. «Жизненное пространство» в контексте психологии повседневности: к 130-летию Курта Левина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021а. Т. 11. Вып. 1. С. 8–23. DOI: 10.21638/spbu16.2021.101

Гусельцева, М.С. Трансдисциплинарный подход к изучению изменений ценностей, поведенческих стратегий и норм в малых культуральных движениях // Новые психологические исследования. 2021б. № 1. С. 4–28. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_01_01

Дженкинс, Г. [Jenkins H.] Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: РИПОЛ классик, 2019.

Жданов, С. Думай за себя: как борьба за социальную справедливость вызвала к жизни движение «темных интеллектуалов» // НОЖ – интеллектуальный журнал о культуре и обществе. 11 декабря 2018. URL: <https://knife.media/intellectual-dark-web/> (дата обращения: 26.06.2020).

Зицер, Д., Менделеева, Д. Российских родителей можно безошибочно узнать по крику на детей // Православие и мир. 2017. URL: <https://www.pravmir.ru/pochemu-myi-krichim-na-detey/> (дата обращения: 02.11.2020).

Кесслер, К.Ф. О законе взаимной помощи // Труды С.-Петербур. общества естествоиспытателей. 1880. Т. 9. № 1. С. 124–136.

Кропоткин, П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Пг.: Голос труда, 1922.

Кузнецов, С.Ю. По ту сторону иметь и казаться: от Исидора Изу до Малколма Макларена, далее – везде // Новое литературное обозрение. 2003. Вып. 64. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/6/po-tu-storonu-imet-i-kazatsya-ot-isidora-izu-do-malkolma-maklarena-dalee-8212-vezde.html> (дата обращения: 09.09.2020).

Лукинова, О.В. Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в интернете. М.: ОДРИ, 2020.

Лурье, Л. О признаках конца эпохи в России и Петербурге // РБК. 12 декабря 2019. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/12/12/2019/5df1e7ed9a79472d30bcd7a6 (дата обращения: 26.06.2020).

Мажар, А. Все друг друга ненавидят: что такое cancel culture и чего от нее больше — вреда или пользы // DTF Magazine. 20 августа 2020. URL: <https://donttakefake.com/vse-drug-druga-otmenyuayut-cto-takoe-cancel-culture-i-chego-ot-nee-bolshe-vreda-ili-polzy/> (дата обращения: 27.08.2020).

Мамонтов, А. «Вы нам не верьте, нам верить не надо». Алексей Венедиктов считает, что, даже если радио умрет, «Эхо Москвы» останется // Ведомости. 14 августа 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/characters/2020/08/13/836635-verit-nado> (дата обращения: 02.11.2020).

Марцинковская, Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.

Наумова, К. Новая этика: как вести себя в эпоху соцсетей и гендерного равенства // РБК Стиль. 30 сентября 2019. URL: <https://style.rbc.ru/life/5d8cbc519a7947642c4c15e8> (дата обращения: 04.09.2020)

Нойманн, Э. [Neumann, E.] Глубинная психология и новая этика. СПб.: Азбука-Классика, 2009.

Петрановская, Л.В. Воспитание с видом на будущее // Otkazniki.ru. 28 ноября 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6zfSzFwLf6o> (дата обращения: 02.11.2020).

Пименова, С. Воспитание без конфликтов: практика здоровых отношений в семье. М.: АСТ, 2000.

Пирумова, Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М.: Наука, 1990.

Пост-анархизм. К вопросу об обновлении философии анархизма. 21 ноября 2009. URL: <https://avtonom.org/pages/post-anarhizm-k-voprosu-ob-obnovlenii-filosofii-anarhizma> (дата обращения: 09.09.2020).

Рогов, К. (Сост.) Низовая модернизация. Могут ли общество и государство двигаться в разных направлениях? // InLiberty. 2018. URL: <https://www.inliberty.ru/magazine/issue10/> (дата обращения: 04.01.2019).

Рот, К.Х. [Roth K.]. Глобализация. РГИК, электронная библиотека, 2005. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/rot_globalisacija/ (дата обращения: 08.09.2020).

Рябов, П.В. Философия классического анархизма (проблема личности). М.: Вузовская книга, 2007.

Рябов, П.В. Предисловие: это не мелочь! // Гелдерлоос П. Консенсус: принятие решений в свободном обществе. СПб., 2010. С. 6–8.

URL: <https://we.riseup.net/assets/64520/consensus.pdf> (дата обращения: 09.09.2020)

Рябов, П.В. Анархизм: от Прудона до новейшего российского анархизма. М.: URSS, 2019.

Твенге, Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. М.: РИПОЛ классик, 2019.

Ударцев, С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. М.: Высшая школа права, Форум, 1994.

Федянина, О. Прощание с объектом 15 тезисов о новой этике и искусстве // Коммерсантъ Weekend. 2019. № 9. С. 10. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3908779> (дата обращения: 23.10.2020).

Хомский, Н. [Chomsky N.]. Создавая будущее: Оккупации, вторжения, имперское мышление и стабильность. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.

Шульман, Е.М. «Убивать себя на работе становится все менее популярно» // Forbes. 16 сентября 2019. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/383499-ubivat-sebya-na-rabote-stanovitsya-vse-menee-populyarno-ekaterina-shulman-o> (дата обращения: 26.08.2020).

Шульман, Е.М. Пандемия и её последствия: новые потребительские ценности и трансформация занятости // Выступление на Молодежной [не] конференции ZhasCamp Общественный фонд «Молодёжная информационная служба Казахстана». 30 сентября 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LUYaePZJZC4> (дата обращения: 27.10.2020).

Black, B. *The Abolition of Work and Other Essays*. Port Townsend, WA: Loompanics Unlimited, 1986.

Bookchin, M. *Post-Scarcity Anarchism*. New York: Black Rose Books, 1986.

Bookchin, M. *Social ecology and Communalism*. Edinburgh: AK Press, 2006.

Queering Anarchism: Addressing and Undressing Power and Desire / Darling, C.B., Rogue, J., Shannon, D., Volcano, A. (Eds.). Oakland: AK Press, 2012.

Heywood, A. *Key Concepts in Politics*. Basingstoke: Palgrave, 2000.

Newman, S. *From Bakunin to Lacan. Anti-Authoritarianism and the Dislocation of Power*. Lexington: Lexington Books, 2001.

Peterson, J., Rogan, J. Joe Rogan Experience podcast #877 with Jordan Peterson. 28 November 2016. URL: <https://www.mixcloud.com/TheJoeRoganExperience/877-jordan-peterson/> (дата обращения: 26.12.2020)

Razsa, M. *Anarchism* / In J.D. Wright (Ed.), *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Orlando, FL: Elsevier, 2015. Vol. 1. P. 680–687.

Сведения об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; mguseltseva@mail.ru

Guseltseva M.S.

A transdisciplinary approach to the study of latent changes in values, behavioral strategies and standards in modern society

Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Modernity is characterized by dynamism and mixture of social processes. There are many communities, different lifestyles and value systems that have not previously collided and were not noticeable to each other. Today, these groups have turned out to be visible and permeable to everyone. Transformations of values, behavioral strategies and social norms in a modern society are the subject of study of both psychology and related sciences. Small cultural movements are the key vehicles for changes ranging from identity to institutions. The transdisciplinary approach used as a relevant method serving to cover this research field. This article discusses the change in values, behavioral strategies and social norms based on the study of movements such as New Ethics, Enlightenment Renaissance, New Anarchism, Intellectual Dark Web, etc. In these movements, there was an increase in subjectivity, individualization of life styles, creation of new norms and practices. A significant role in socio-cultural transformations is played by the grassroots (folk) creativity, the communicative competence of local communities. It is argued that customization as the habit of choosing and creating one's own style, ethical and ecological engagement, conscious self-development are side effects of socialization in a mixed socio-cultural and networked communicative space. It is emphasized that in a situation of turbulence, small cultural movements become ambivalent: on the one hand, they serve social stability based precisely on their dynamism and diversity, self-organize and creativity; on the other hand, the clash of different values and lifestyles can increase social tension.

Key words: methodology, transdisciplinary approach, sociocultural movements, new anarchism, new ethics, self-organization, subjectivity

For citation: Guseltseva, M.S. (2021). A transdisciplinary approach to the study of latent changes in values, behavioral strategies and standards in modern society. *New Psychological Research*, 2021, No. 3. 18–47. DOI: 10.51217/psyresearch_2021_01_03_02

Acknowledgment

The article prepared within a state task, project AAA-A-A19-119012990181-0

References

- Banina, N.N. (2010). Karl Fedorovich Kessler (1815–1881) as a scientist and public figure. *Russkii ornitologicheskii zhurnal*, 19(616), 2155–2173.
- Black, B. (1986). *The Abolition of Work and Other Essays*. Port Townsend, WA: Loompanics Unlimited.
- Black, B. (Comp.). (2020). *Anarchism Only: An Anthology of Anarchist Texts after 1945*. Moscow: Gileya.
- Bookchin, M. (1986). *Post-Scarcity Anarchism*. New York: Black Rose Books.
- Bookchin, M. (2006). *Social ecology and Communalism*. Edinburgh: AK Press.
- Butler, J. (2002). *The Psychic Life of Power: Theories in Subjection*. Saint Petersburg: Aleteiya.
- Chomsky, N. (2015). *Making the Future. Occupations, Interventions, Empire and Resistance*. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Daring, C.B., Rogue, J., Shannon, D., Volcano, A. (Eds.). (2012). *Queering Anarchism: Addressing and Undressing Power and Desire*. Oakland: AK Press.
- Fedyanina, O. (2019). Farewell to the object. 15 theses on new ethics and art. *Kommersant* "Weekend", 9, 10. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/3908779>
- Gelderloos, P. (2010). *Consensus: Decision Making in a Free Society*. St. Petersburg. Retrieved from <https://we.riseup.net/assets/64520/consensus.pdf>
- Graeber, D. (2014a, January 30). Are you an anarchist? The answer may surprise you! Avtonomnoe deistvie. Retrieved from <https://avtonom.org/news/david-greber-ty-anarhist-otvet-mozhet-tebya-udivit>
- Graeber, D. (2014b). *Fragments of an Anarchist Anthropology*. Moscow: Radikal'naya teoriya i praktika.
- Guseltseva, M.S. (2020). Self-discipline practices in a transitive society: Stoic Renaissance and scandinavization of consumption. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki*, 17(3), 478–499. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-478-499
- Guseltseva, M.S. (2021a). "Life space" in the context of psychology of everyday life: To the 130th anniversary of Kurt Lewin. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 11(1), 8–23. DOI: 10.21638/spbu16.2021.101
- Guseltseva, M.S. (2021b). Transdisciplinary approach to the study of changes in values, behavioral strategies and standards in small cultural groups. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, 1, 4–28.
- Heywood, A. (2000). *Key Concepts in Politics*. Basingstoke: Palgrave.
- Jenkins, H. (2019). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. Moscow: RIPOL klassik Publ.
- Kessler, K.F. (1880). On the law of mutual assistance. *Trudy S.-Peterburgskogo obshchestva estestvoispytatelei*, 9(1), 124–136.
- Kropotkin, P.A. (1922). *Mutual Aid: A Factor of Evolution*. Petersburg: Golos truda.
- Kuznetsov, S.Yu. (2003). To have and to seem on the other side: from Isidore Izou to Malcolm McLaren, then – everywhere. *Novoe literaturnoe obozrenie*,

64. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/6/po-tu-storonu-imet-i-kazatsya-ot-isidora-izu-do-malkolma-maklarena-dalee-8212-vezde.html>

Lukinova, O.V. (2020). *Digital etiquette. How not to annoy each other on the Internet*. Moscow: ODRI.

Lure, L. (2019, December 12). Signs of the end of an era in Russia and St. Petersburg. RBK. Retrieved from https://www.rbc.ru/spb_sz/12/12/2019/5df1e7ed9a79472d30bcd7a6

Mamontov, A. (2020, August 14). “You don’t trust us, you don’t need to trust us”. Alexey Venediktov believes that even if the radio dies, Echo of Moscow will remain. Vedomosti. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/media/characters/2020/08/13/836635-verit-nado>

Martsinkovskaya, T.D. (2015). *The problem of socialization in the historical and genetic paradigm*. Moscow: Smysl.

Mazhar, A. (2020, August 20). Everyone hates each other: what is cancel culture and what is more from it – harm or benefit. DTF Magazine. Retrieved from <https://donttakefake.com/vse-drug-druga-otmenyayut-chto-takoe-cancel-culture-i-chego-ot-nee-bolshe-vreda-ili-polzy/>

Naumova, K. (2019, September 30). New ethics: how to behave during an era of social networks and gender equality. RBK Stil’. Retrieved from <https://style.rbc.ru/life/5d8cbc519a7947642c4c15e8>

Neumann, E. (2009). *Depth Psychology and a New Ethic*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika.

Newman, S. (2001). *From Bakunin to Lacan. Anti-Authoritarianism and the Dislocation of Power*. Lexington: Lexington Books.

Peterson, J., Rogan, J. (2016, November 28). Joe Rogan Experience podcast #877 with Jordan Peterson. Retrieved from <https://www.mixcloud.com/TheJoeRoganExperience/877-jordan-peterson/>

Petranovskaya, L.V. (2017, November 2). Education with a view to the future. *Otkazniki.ru*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=6zfSzfWLF6o>

Pimenova, S. (2000). *Upbringing without conflicts: the practice of healthy relationships in the family*. Moscow: AST.

Pirumova, N.M. (1990). *Social doctrine of M.A. Bakunin*. Moscow: Nauka.

Post-anarchism. On the issue of updating the philosophy of anarchism. (2009, November 21). Retrieved from <https://avtonom.org/pages/post-anarhizm-k-voprosu-ob-obnovlenii-filosofii-anarhizma>

Razsa, M. (2015). Anarchism. In Wright J.D. (Ed.), *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* (Vol. 1, pp. 680–687). Orlando, FL: Elsevier.

Rogov, K. (Comp.) (2018). Grassroots modernization. Can society and the state move in different directions? *In Liberty*. Retrieved from <https://www.inliberty.ru/magazine/issue10/>

Rot, K. (2005). Globalization. RGIK, elektronnaya biblioteka. Retrieved from http://sbiblio.com/biblio/archive/rot_globalisacija/

Ryabov, P.V. (2007). *Philosophy of classical anarchism (personality problem)*. Moscow: Vuzovskaya kniga.

Ryabov, P.V. (2010). Foreword: this is not a small thing! In Gelderloos P. *Konsensus: primyatie reshenii v svobodnom obshchestve* (pp. 6–8). St Petersburg. Retrieved from <https://we.riseup.net/assets/64520/consensus.pdf>

Ryabov, P.V. (2019). *Anarchism: from Proudhon to the latest Russian anarchism*. Ryabov. Moscow: URSS.

Twenge, J. (2019). IGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood. Moscow: RIPOL klassik.

Shulman, E.M. (2019, September 16). “Killing yourself at work is becoming less popular”. Forbes. Retrieved from <https://www.forbes.ru/forbeslife/383499-ubivat-sebya-na-rabote-stanovitsya-vse-menee-populyarno-ekaterina-shulman-o>

Shulman, E.M. (2020, September 30). Pandemic and its consequences: new consumer values and transformation of employment. Vystuplenie na Molodezhnoi [ne] konferentsii ZhasCamp Obshchestvennyi fond «Molodezhnaya informatsionnaya sluzhba Kazakhstana». Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=LUYaePZJZC4>

Udartsev, S.F. (1994). *Political and legal theory of anarchism in russia: history and the present state*. Moscow: Vysshaya shkola prava, Forum.

Volokhova, U. (2016). Artists can offend anyone. A short guide to offended feelings and their consequences. *Kommersant” Weekend*, 42, 14. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/3157331>

Volokhova, U., Bessmertnaya, M. (2017). “Now I keep thinking: isn't this a sexist film?” How the new revisionism canceled the cultural gains of the 20th century. *Kommersant” Weekend*, 3, 12. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/3535343>

Vorozheikina, T. (2010, July 12). How to achieve real democracy? *ForPost*. Retrieved from <https://sevastopol.su/news/kak-dostich-realnoy-demokratii>

Zhdanov, S. (2018, December 11). Think for yourself: how the struggle for social justice gave rise to the movement of “dark intellectuals”. Knife – intellektual’nyi zhurnal o kul’ture i obshchestve. Retrieved from <https://knife.media/intellectual-dark-web/>

Zitser, D., Mendeleeva, D. (2017, June 17). Russian parents can be unmistakably recognized by shouting at children. *Pravoslavie i mir*. Retrieved from <https://www.pravmir.ru/pochemu-myi-krichim-na-detey/>

Information about the author

Marina S. Guseltseva, Sc.D. (Psychology), associate professor, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; mguseltseva@mail.ru